

УДК 340

В.К. Цечоев

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Ростовский филиал РГУП,*

В.В. Лядов,

*старший преподаватель
Ростовский филиал РГУП
г. Ростов-на-Дону, Россия
redaction-el@mail.ru*

**РОЛЬ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О МОРАЛИ И ПРАВЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
НОВЫХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917-1920-Е ГГ.)**

**[Tsechoev V.K., Lyadov V.V. Role of the Bolsheviki's ideas
on morality and law within the formation of new bodies of court power
in the Soviet state (1917-1920s)]**

It is considered the philosophic, legal and ethic views of the ideologists of Marxism. The features of understanding of law and morality are discussed. The role of the Marxist doctrine in the formation of new organs of the judiciary in the Soviet Union in the period 1917-1920s is defined. It is given the ethical and philosophical reasons for the "Red Terror" and the repressive activities of the state.

Key words: morality, law, Marxism, the Soviet court, the Red Terror.

Большевики, и в их числе В.И. Ленин (Ульянов), заполучив политическую власть, постепенно все сферы жизни, в том числе этическую и правовую, подчинили классовым интересам – интересам пролетариата. Однако мысль их не останавливается на этом: отмирание государства, связанное с изменением производственных отношений, с ликвидацией частной собственности на средства производства, как явление объективное, но лежащее в будущем, неизбежно вызовет отмирание всех явлений надстроечного характера. Эту мысль замечательно выразил В.С. Нерсисянц: «Право и государство, соглас-

но марксистскому историко-материалистическому учению, являются надстроечными явлениями (формами), обусловленными базисными (производственными, экономическими) отношениями частнособственнического общества. Правовые отношения (и право в целом) возникают, по Марксу, из экономических отношений частной собственности, обслуживают эти отношения, являются необходимой формой их выражения и существования. Поэтому марксистское негативно-коммунистическое отношение к частной собственности полностью распространяется и на все надстроечные явления (право, государство и т.д.), порождённые частнособственническим способом производства» [8, с. 154]. В сфере этической, как, впрочем, и в сфере права, «место общеполитической основы заняло *нормативное сознание*, определяющее социалистическое мировоззрение в целом» [7, с. 192].

Главный идеолог марксизма-ленинизма, В.И. Ленин, уже в 1895 г. выезжает за границу, где знакомится с известными теоретиками марксизма, прежде всего с Плехановым. Вернувшись в столицу, в том же 1895 г. он, вместе с Мартовым и другими создаёт ранее уже названный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». За участие в деятельности «Союза» в 1897-1900 гг. Ленин отправляется в ссылку; здесь он пишет более тридцати работ, в числе которых «Развитие капитализма в России».

В первой своей эмиграции с 1900 по 1905 гг. он пишет знаменитую работу «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», в которой обосновывает необходимость создания партии нового типа – революционной, придавая такой партии особое значение. Во время первой революции 1905-1907 гг. в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он обосновывает необходимость вооружённого восстания пролетариата. С этого времени Ленин превращается в яркого сторонника силовых, даже и террористических, методов борьбы, что невозможно без отрицания устаревшей, «капиталистической», этики. Мысль его насквозь пронизана диалектическим материализмом: «Материалистическое устранение дуализма духа и тела состоит в том, что дух не существует независимо от тела, что дух есть вторичное, функция мозга» [4, с. 706]. Следовательно, идеалистическая, вернее, даже имеющая лишь некоторые черты идеализма в содержании своём, этика, полностью им отрицается.

С началом XX в., во многом благодаря Ленину, «... господствующим стал взгляд, отождествляющий мораль с политическими целями классовой борьбы пролетариата, конституирующий коммунистическую мораль как этическую санкцию такой борьбы. Он получил обоснование в работе В.И. Ленина «Задачи союзов молодежи» (1920), главная мысль которой состоит в тезисе: «В основе коммунистической морали лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» [2]. Однако кажущаяся связь между позицией Ленина и меньшевиков во взглядах на этику обманчива: Ульянов полностью отрицал лежащие за пределами интересов класса её основания, считая, что это приводит к одному лишь закабалению трудящихся. Этика долженствования, выстраиваемая в среде пролетариата и для среды пролетариата, однако, опиралась у него не на аморфные умозрительные конструкции, а на реальную революционную деятельность, упрочивалась страхом перед суровым наказанием для «предателей», т.е. тех, кто позабыл о деле революции.

Отсюда вполне естественно вытекает полное игнорирование внутреннего мира, игнорирование личности. В своих работах Ленин ведёт речь не об отдельных личностях, но только об обществе, раздробленном на классы; он указывает, что на пути к «общине» (возникающей в ходе отмирания государства) необходимо и верно применение силы по отношению к капиталистам, «эксплуататорам» как к классу. Он не видит, не различает в этой густой массе отдельных людей, не желает этого. Это приводит к тому, что моральные нормы, обосновывающие политику, вполне допускают ситуацию, где классовые цели оправдываются любыми средствами. «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов. Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. Пролетариат не знает вечных принципов права и нравственности, которым он подчинял бы свою борьбу за коммунизм, классовая борьба пролетариата и её методы не могут быть обсуждаемы и осуждаемы с точки зрения какого-либо незыблемого нравственного мерил, – наоборот, этика пролетариата целиком и полностью определяется интересами его классовой борьбы» [цит. по: 1, с. 97].

Моральные нормы, сама мораль у Ленина предельно прагматична. Её с полной уверенностью можно назвать моралью долга, причём долга, ощущаемого только в деятельности, всех перед всеми (внутри класса); если русская религиозная философия отношения долженствования выводит из духовного единства всех людей, то этика социалистическая в качестве предпосылки морального долга называет только классовый интерес. Любой пролетарий непременно осознаёт, ощущает своё угнетённое состояние, всегда внутренне противится этому угнетению; новая мораль переводит это состояние нетерпеливого ожидания в революционную деятельность. «По их (Маркса и Ленина – прим. Автора) мнению, социальная (классовая) борьба является краеугольным камнем исторического процесса. Она должна сделать мир более гуманным, снять факторы, которые блокируют развитие в направлении более гуманного мира. Маркс нападает на этику, не признающую классовой борьбы... Из ценностных утверждений вытекает революционный императив – нужно изменить действительность, разрушить отношения, при которых человек деградирует, порабощён, угнетён, презираем и т.д.» [3. с. 393]. Моральные нормы, провозглашающие максимой поведения революционную борьбу, возникают в процессе естественного хода исторического развития общества, они *неизбежны*.

Что касается права, то здесь взгляды Ленина вполне вписываются в общую канву марксизма. При том марксизм им понимается исключительно в революционном ключе, за что получает имя «неомарксизма». Яростно критикуя «политическую проституцию» иных последователей Маркса, он клеймит их как социал-шовинистов: «...социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей» [5, с. 121]. Эксплуатация других народностей, в то же время, всего лишь наиболее яркий, явный, рельефный пример подавления одним экономически сильным классом другого.

Само государство представляет собой всего лишь аппарат подавления и принуждения, оно имеет явно выраженный классовый характер, служит интересам господствующего класса, в буржуазном государстве – меньшинству, капиталистам, эксплуатирующим благодаря удержанию в своих руках капитала и средств производства трудящееся большинство.

При этом бюрократия, реализующая эту эксплуатацию, всецело преданна интересам правящего класса. Она по природе власти, которой облечена, не может и не сможет никогда встать на защиту интересов трудящихся. Буржуазное право, оформляющее деятельность такой бюрократии, а также «дарующее» незначительные гарантии трудящимся, служит защите интересов экономически господствующего меньшинства, слагается для того чтобы обеспечить, легализовать организованное насилие над рабочим классом.

Впрочем, право Лениным понимается исключительно позитивистски: он ведёт речь прежде всего о праве, воплощённом в писанных источниках, при этом никакие реформы в праве, никакие дополнительные права и гарантии, по его мнению, не могут всецело удовлетворить рабочий класс. Позитивизм этот, несомненно, берёт свое начало в материализме: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи» [цит. по: 6, с. 464]. В то же время существуют всего три области действительности, которые никоим образом нельзя свести друг к другу: неорганический мир, органический мир и мир социальный [6, с. 473]. К явлениям социального мира относится и право, которое в силу того что оно не присуще имманентно живому организму, должно существовать в осязаемой, осязаемой форме, т.е. должно быть прежде всего писанным. Оно возникает не произвольно, но лишь в силу социально-экономических условий, в силу существования определённого рода общественных отношений. Отсюда, при качественном изменении таких отношений право также меняется или же даже, если исчезнут условия, обуславливающие его существование, и вовсе исчезает. Право суть всего лишь надстроечное явление, произведение социальной жизни.

Цитируя Маркса, Ленин утверждает: «Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость». А «при равном труде, – заключает Маркс, – следовательно, при равном участии в потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т.д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным» [5, с. 200]. Эта модель присуща только праву буржуазному, искусственно уравнивающему производителей для того чтобы обеспечить их угнетение господствующим классом, для того чтобы обосновать классовую структуру общества: коль скоро люди, стоящие в равных условиях, могут приобрести различную меру продукции, они

неизбежно будут разделяться на классы в силу экономических причин. Утверждение правом идеи частной собственности как таковой, её защита, по мнению Ленина, удовлетворяет только интересы капиталистов, в руках которых большая часть таковой собственности и находится: «По своей природе частная собственность на средства производства такова, что она, отражая процесс поляризации богатства и бедности, не может быть у всех членов общества: наличие в обществе частной собственности означает, что у одних (меньшинства) она фактически есть, у других (большинства) её нет» [8, с. 181].

То есть для того чтобы действительно, на деле уравнивать всех в праве, необходимо отказаться от частной собственности. Если существует одна лишь общественная собственность, защищённая правом, если право гарантирует одну лишь возможность использования этой общественной собственности, но никак не её концентрацию в руках отдельных лиц, не охраняет её, тогда только эти лица будут экономически равны. На смену равенства в праве предполагалось введение равенства по факту: нет собственников, но есть трудящиеся, делающие общий вклад в общее имущество. Право собственности на средства производства должно принадлежать только одному лишь государству, вплоть до его исчезновения. Затем само понятие «собственность», при постепенном развитии общества, должно исчезнуть: всё принадлежит всем в целом и никому в частности.

Капиталистическое право – явление надстроечное, целью своей, как и мораль, имеет охрану отношений частной собственности, причём, в отличие от последней, право неизбежно предполагает возможность применения господствующим меньшинством подавления и принуждения. Ленин, отметив этот утилитаризм морали и права, попросту сменяет акценты: вместо класса эксплуататоров новое общество начинает строиться из диктатуры большинства – пролетариата; мораль и право первоначально отражают чаяния революционного класса, они служат интересам обретшего власть народа. Принципиальный момент, отслеживаемый почти на всём протяжении русской истории, а именно – первичности морали по отношению к праву, – проявляется и здесь, хотя и в извращённой форме: революционная мораль, а затем мораль рабочего класса предпочтительнее права, отмирающего в будущем. Цитируя Маркса, Ленин отмечает: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [5, с. 201].

Изменение формы собственности, экспроприация средств производства ускорит темпы развития производственных сил и самого общества. «Государство, – пишет Ленин, – сможет отмереть лишь тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т.е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям» [5. с. 203]. Эти правила общежития, не облечённые в писаную форму и не обеспечиваемые принуждением, суть нормы морали нового общества.

Структура и порядок деятельности новых органов власти полностью соответствует новому их пониманию. Отрицание ценности отдельной личности, попытка строить социальные отношения в контексте «полезности» человека делу революции и следующий из этого отказ от признания частной собственности, находят отражение в формах деятельности революционной власти.

Охрана революционного порядка сразу после победы Октябрьской революции 1917 г. была первоначально возложена на Петроградский ВРК – военно-революционный комитет (упразднен в декабре 1917 г.), который осуществлял вооружённую охрану города, арестовал министров временного правительства, разогнал предпарламент. Специальных судебных органов еще не было, и судебные функции возлагались на НКВД. По его постановлению от 28 октября 1917 г. была создана рабоче-крестьянская милиция. Она находилась в ведении местных советов и подчинялась НКВД.

Советская милиция боролась с заметно усилившимся в то время криминалом, и ее сил для наведения элементарного порядка явно не хватало. Однако сама система, где судебная власть отрицалась, а судебные полномочия получали силовые структуры с молчаливого согласия власти, не могла эволюционировать к правосудию и к справедливости. Поэтому при СНК 7 (20) декабря 1917 г. была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Первоначально на ВЧК возлагалось пресечение политических преступлений против новой власти и предание виновных суду Военно-революционного трибунала. Затем ВЧК получила неограниченные полномочия: от ареста и следствия до вынесения приговора и его исполнения, была выведена из-под государственного контроля и согласовывала свои действия только с ЦК РКП(б). 5

сентября 1918 г. вышло постановление СНК «О красном терроре», а затем ещё ряд актов, по которым ВЧК окончательно становилась карательно-репрессивным органом по самым различным делам. Фактически, в годы Гражданской войны никому не подчинявшаяся ВЧК подменила собой и следственные, и судебные органы. Она самостоятельно проводила следствие и выносила приговор. Местные ЧК и Советы выносили решения о наказаниях, просто исходя из революционной целесообразности. Так, ВЧК обладала правом репрессивных мер не только по делам, связанным с контрреволюционной и антисоветской деятельностью, что для этой организации было характерно, но и по некоторым хозяйственным преступлениям, например воровству и грабёжам на транспорте.

Дальнейшая тенденция развития ВЧК говорит о её эволюции не только как репрессивно-судебного, но и следственного органа, обладавшего разветвлённой структурой. Из Положения «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» от 28 октября 1918 г. видно, что ВЧК не только формировала структуру по всей стране, но обладала весьма широкими полномочиями в расследовании соответствующих преступлений. В декрете СНК «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г., в постановлении СНК «О красном терроре», в инструкциях ВЧК был предусмотрен расстрел фактически без суда и следствия. При этом следствие велось упрощенно. Следователи ВЧК отчитывались на специально созданных судебных заседаниях, где зачитывали итоговый следственный документ, который выносился на голосование.

Для рассмотрения особо опасных для советской власти политических преступлений в период становления советской судебной системы создавались революционные трибуналы. Новые судебные органы работали под контролем Наркомюста. Революционные трибуналы учреждались по декрету о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. как чрезвычайные временные карательные органы в борьбе с контрреволюцией и первоначально руководствовались в своей деятельности Инструкцией Наркомюста от 19 декабря 1917 г. Здесь определялись компетенции трибуналов, содержались процессуальные нормы, а также перечень составов преступлений и виды наказаний. В их компетенции находятся наиболее значимые дела о преступлениях против революции и советской власти. В борьбе с этими явлениями революционные трибуналы были бесконтрольны, а налагаемые ими наказания были не ниже обозначенных в законах революционного вре-

мени. Хотя смертная казнь как наказание не предусматривалась в советских законах, постановление НКЮ РСФСР от 16 июня 1918 г. было воспринято как руководство к действию и ревтрибуналы с июля 1918 г. начали широко применять смертную казнь, особенно в связи с политикой красного террора.

Непрерывная эскалация террора в годы Гражданской войны изменила понимание законности в обществе. Карательные органы руководствовались не законом, а политической целесообразностью. Классовый принцип при осуществлении террора расширил возможности применения внесудебных репрессий. Для лишения свободы достаточно было подозрения в сочувствии контрреволюции и соответствующего административного решения. Поэтому распространение получили заложничество, концентрационные лагеря, массовые расстрелы для устрашения населения, пытки. Для осуществления политики террора противоборствующие силы создавали свои карательные органы: контрразведку, поезда и «баржи смерти».

Хотя с 1920-1921 гг. и происходит ослабление террора, но революционный зародыш тоталитаризма уже укоренился в советском обществе и государстве, получил своё дальнейшее развитие. Несмотря на то что 18 марта 1920 г. ВЦИК отменил право ВЧК применять внесудебные репрессии, органы госбезопасности продолжали их применение, ссылаясь на секретные директивы ЦУ. 8 февраля 1922 г. ВЧК была упразднена, но репрессивная сущность ОГПУ в составе НКВД не изжила себя, а в последующем даже прочно утвердилась, внесудебные преследования не прекращались.

Для удержания власти советский режим использовал массовые репрессии. Возникшая экономическая и политическая система, основанная на внеэкономическом принуждении и непрерывной мобилизации, могла существовать только в условиях постоянной угрозы извне и изнутри. Обоснованием репрессий стала идея классовой борьбы по мере продвижения к социализму, требовавшая беспощадного уничтожения врагов. В этих условиях тоталитарный террор был объективно неизбежен.

После окончания Гражданской войны становление судебных органов вступает в завершающую фазу. В 1922-1924 гг. осуществляется судебная реформа. В рамках реформы в РСФСР создавалась единая своеобразная судебная система, не признававшая независимость судебной власти и разделение властей. Она состояла из четырёх звеньев: 1) народный суд в составе постоянного народного

судьи; 2) народный суд в составе постоянного судьи и двух народных заседателей; 3) губернский суд; 4) Верховный Суд РСФСР и его коллегии. Общей тенденцией в организации деятельности как этих, так и специализированных судебных органов (военных трибуналов, трудовых сессий народных судов и т.п.) стало упрощение нормативного регулирования, отказ от прежней идеи приоритета личности и частной собственности, политизированность судебного процесса. Несмотря на ослабление репрессий, советский суд раннего периода нельзя назвать судом в полном смысле этого слова, поскольку вместо осуществления правосудия суды зачастую выполняли волю партийных органов, превращая в жизнь основные положения новой государственной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быстрянский В.* Нравственность / «Коммунистический университет на дому». 1925. № 7.
2. *Гусейнов А.А.* Марксистские традиции в этике / Оправдание морали. М.; Тюмень, 2000. / URL: <http://www.guseinov.ru/publ/marx.html>
3. *Дубко Е.Л.* Политическая этика: Учебник для вузов. М.: Академический проект, 2005.
4. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
5. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Государство и революция. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М.: Астрель, 2012.
6. *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Академический Проект, 2011.
7. *Назаров В.Н.* История русской этики: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Гардарики, 2006.
8. *Нерсесянц В.С.* Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2006.
9. *Цечоев В.К., Ковалев В.В.* История юридической науки России – специальная научная и учебная историко-правовая дисциплина // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 943-946. <http://www.hses-online.ru>

10. *Цечоев В.К., Титова М.В.* Современная историко-правовая литература о восстановлении социалистической законности в СССР 1953-1956 гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. <http://www.hses-online.ru>
11. *Tsechoev V.K.* Modern position and prospects of history and law science development in Russia in XX-XXI centuries // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. <http://hses-online.ru/Actual.html>

REFERENCES

1. *Bystriansky B.* Morality / "Communist University at home." 1925. №7.
2. *Guseinov A.A.* Marxist tradition in ethics / morality Justification. M.; Tyumen, 2000. / URL: <http://www.guseinov.ru/publ/marx.html>
3. *Dubko E.L.* Political Ethics: A Textbook for high schools. M.: Academic Project, 2005.
4. *Zenkovsky V.V.* The history of Russian philosophy. M.: Academic Project, Rarity, 2001.
5. *Lenin V.I.* Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. The State and Revolution. "Left-Wing" Communism: An Infantile Disorder. M.: Astrel, 2012.
6. *Lossky N.O.* The history of Russian philosophy. M.: Academic Project 2011.
7. *Nazarov V.N.* The history of Russian ethics: studies. allowance for students. M.: Garda Rica, 2006.
8. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: Textbook for universities. M.: Norma, 2006.
9. *Tsechoev V.K., Kovalev V.V.* The history of jurisprudence Russia - a special scientific and educational-valued historical and legal discipline // Humanities and social sciences. 2014. № 2. pp 943-946. <http://www.hses-online.ru>
10. *Tsechoev V.K., Titov M.V.* Modern historical and legal literature on the uprising socialist law in the USSR 1953-1956 gg. // Humanities and social science. 2014. № 2. <http://www.hses-online.ru>
11. *Tsechoev V.K.* Modern position and prospects of history and law science development in Russia in XX-XXI centuries // Humanities and social sciences. 2013. № 6. <http://hses-online.ru/Actual.html>

18 октября 2015 г.